

— Приведите... — госпожа-фуинь уже собиралась приказать схватить супругов Куй, как вдруг её слова прервал испуганный вскрик позади.

— Хунсуй! Хунсуй, что с тобой?!

Госпожа-фуинь резко обернулась: её личная служанка Хунсуй неизвестно отчего рухнула на пол. Несколько маленьких служанок в панике жали ей точки на лице, пытаясь привести в чувство.

— Что случилось? — госпожа-фуинь быстро подошла и присела рядом.

Хоть Хунсуй и была всего лишь служанкой, но она долгие годы служила ей преданно и аккуратно. Так что если с ней что-то произошло, госпожа-фуинь и вправду встревожилась. Сердце ведь человеческое не камень, даже к забавной зверюшке привязываешься, если живёт рядом долго, что уж говорить о живом человеке.

Наконец, после суеты и хлопот, Хунсуй медленно открыла глаза.

— Госпожа... не одарите ли эту служанку кусочком сладкого? — едва слышно попросила она. — Эта служанка не больна... просто в эти дни совсем нет аппетита, ничего не ела...

— Быстро, принесите Хунсуй сладкого, — госпожа-фуинь тут же велела ближайшей служанке принести конфету.

Хунсуй съела одну, затем сразу вторую. Лишь тогда дыхание её выровнялось, и силы чуть вернулись. Почувствовав, что может встать, она сразу же опустилась на колени и склонила голову.

— Эта служанка заставила госпожу волноваться... прошу наказать меня.

— Вставай, — госпожа-фуинь подняла руку. — Тут и наказывать не за что, ты ведь не нарочно. Просто впредь ешь вовремя. А сегодня больше не служи, побудь дома пару дней, отдохни, а уж потом выходи к работе.

Хунсуй отблагодарила её поклонами, поднялась, но взгляд её упал на блюдо с конфетами перед госпожой. Брови у неё слегка сдвинулись, будто она колебалась, говорить или промолчать.

Госпожа-фуинь заметила это.

— Что такое? Всё ещё плохо себя чувствуешь? Может, позвать лекаря, пусть посмотрит?

— Нет-нет, — Хунсуй поспешила отрицательно качнуть головой. — Сейчас этой служанке уже совсем не дурно. Спасибо госпоже за заботу... просто...

— Говори прямо, — мягко подтолкнула госпожа-фуинь. — Ты мне много лет верно служишь. Если о чём-то просишь, я не стану чинить препятствий.

Хунсуй опустила взгляд:

— Тогда... дерзну сказать. Госпожа, этой служанке кажется... с этими конфетами что-то не так.

Брови госпожи-фуинь сдвинулись так сильно, что могли раздавить муху. Услышав слова Хунсуй о том, что «что-то не так», она первым же делом решила, что это подмена, что им подсунили некачественный товар ради наживы. А следом её пронзила ещё более страшная мысль: она ведь сама эти сладости ела. Если товар поддельный, то до какой степени? Не вреден ли он для здоровья?

Лицо госпожи-фуинь потемнело, словно налилось водой, а в сердце холодок страха стал только сильнее. Если бы она не успела несколько дней подряд поесть эти лакомства, она бы, пожалуй, прямо сейчас попыталась засунуть пальцы в горло, чтобы вырвать их обратно.

Почему-то, глядя на всё мрачнейшее лицо госпожи-фуинь, Ли Синь почувствовал, как внутри поднимается волна паники. Теперь он меньше всего хотел, чтобы госпожа-фуинь наказывала пару из семьи Куй, лишь бы всё поскорее замяли.

— Невозможно! — госпожа-фуинь взревела так, что Ли Синя едва не подломились ноги. — Эти низшие из семьи Куй смеют обманывать меня? Да у них же кишка не тонка! Кто-нибудь! Немедленно отправляйтесь и схватите обоих из семьи Куй! Сразу же бросить в темницу! Дождёмся, когда господин-фуинь разберётся и строго покарает их!

Ли Синь от страха едва не осел на пол.

— Госпожа, подождите! — вдруг вмешалась Хунсуй. — Эта служанка всё же чувствует, что здесь... что-то не сходится.

- Мисс Хунсуй, вы слишком надумываете, — вмешалась кормилица, — что тут может быть не так? Ясно же, что эти двое из семьи Куй, увидев прибыль, решили схалтурить и подсунили некачественное!

Веки у кормилицы беспрестанно дёргались, она прекрасно понимала выражение лица своего мужа. Что именно он натворил, она не знала, но в том, что здесь замешаны его руки, сомнений не было. А раз так, то нужно срочно свалить всё на супругов из семьи Куй. Как только их упрячут в тюрьму, дальше дело пойдёт просто: с её статусом кормилицы младшего господина подкупить пару тюремщиков - раз плюнуть. Пустят в ход «частное наказание», да любого

железного человека можно превратить в кисель, всё подпишет, во всём признается, как ей будет угодно.

- Нет! — Хунсуй шагнула вперёд, схватила блюдо с конфетами и поднесла прямо к глазам. Один взгляд, и Хунсуй резко расширила глаза.

- Госпожа, это НЕ продукт семьи Куй! Я же говорила: здесь что-то не так!

Она подняла голову, ее глаза блестели от потрясения.

- Госпожа, эти сладости - не их работа. Ещё раньше, когда вы подарили мне те конфеты, вкус был густой, насыщенный, очень сладкий. А эти... слабые, бледные по вкусу, почти не сладкие. Я ведь две подряд съела, и только тогда немного отпустило головокружение!

Ли Синь почувствовал, что смерть стоит у плеча. Спина промокла от пота, а в груди поднималось тяжёлое, вязкое ощущение полной безысходности. Кормилица, впад в панику, торопливо заговорила:

- Мисс Хунсуй, неужели по одному этому можно утверждать, что сладости не их работа? Это слишком поспешный вывод! По-моему, всё как раз дело в этих двоих из семьи Куй...

Но Хунсуй даже не повернула головы на её сбивчивые оправдания. Она подняла конфету и поднесла ее госпоже-фуинь.

- Госпожа, пожалуйста, посмотрите. На этой конфете НЕТ клейма. А теперь взгляните на молочные таблетки и на молочные бобы - на них везде выбито "Сделано семьей Куй". Когда вы поручили мне покупать для младшего господина у семьи Куй, я боялась подвести ваше доверие и специально расспросила старшего управляющего, на что нужно обращать внимание. Он тогда и сказал: всё, что делают в доме Куй, всегда имеет на себе эти четыре буквы. Это их знак, чтобы никто не мог подделать или присвоить их изделие.

Лицо кормилицы побледнело до пепельного цвета, но она всё ещё пыталась держаться:

- Вздор! Эта семья Куй - всего лишь мелкая уличная лавка! Да кому вообще придёт в голову подделывать их товар?

- Кормилица разве не знает? — Хунсуй тихо, но твёрдо перебила её. — Пусть у семьи Куй и маленький прилавок, но их сахарные розы сейчас на редкость популярны. И во внутреннем, и во внешнем городе люди выстраиваются в очередь, лишь бы купить.

Это было чистой правдой. Взгляд госпожи-фуинь упал на вазу с сахарными розами. В последние дни все приходившие в гости знали о лакомстве семьи Куй, некоторые даже приносили его в качестве подарка. С таким ажиотажем появление подделок вовсе не

удивительно, неудивительно и то, что Куй зарегистрировали свою марку в ямене.

Поэтому...

Взгляд госпожи-фуинь медленно переместился на Ли Синя. Тот моментально сжался, как перепуганный перепел, весь осыпавшийся пеплом.

- Госпожа, пощадите! Госпожа, пощадите! — его лоб с глухим стуком ударился об пол, раз, другой. Внезапно, будто вспомнив что-то, он сорвался на визг: - Госпожа! Меня оклеветали! Это ловушка! Кто-то специально хотел меня погубить! Это... это наверняка управляющий закупками, это ОН...

- Дерзкий Ли Синь! — госпожа-фуинь была чёрная от ярости. — Смерть у тебя под носом, а ты всё не одумаешься! Осмеливаешься наугад оговаривать других! Говоришь, тебя подставил закупщик? Он что, силой заставил тебя покупать подделку?!

- Я... я, маленький человек...

- Думала ли я когда-нибудь, что вы с женой так мне оплатите?! — голос госпожи-фуинь сорвался. — Я к вам относилась не плохо. А ты... ты хоть немного подумал о том, что это едят? Это не просто вещь, что сломается, это окажется во рту у людей! Чуть что не так - смерть, болезнь, вред телу!

Она ударила ладонью по столу:

- Увести его прочь и тщательно допросить!

Плакавшего и вопившего о своей невинности Ли Синя тут же потащили прочь.

Госпожа-фуинь перевела тяжёлый взгляд на кормилицу.

- Ты - кормилица моего маленького сына. Из-за этого я всегда относилась к тебе с уважением. А ты? До какой же степени ты меня разочаровала, - голос её стал холоднее льда: - Теперь я невольно думаю, раз уж ребёнок так долго и с трудом отнимается от груди... не твоих ли это рук дело? Я и вправду начинаю подозревать, что ты боялась: перестанет маленький господин сосать, и ты станешь не нужна в доме. Ради своей выгоды ты была готова поставить под удар здоровье ребёнка, навлечь на него ненависть отца, совершить такую чёрную, бесстыдную мерзость.

- Госпожа, эта служанка... эта служанка не посмеет...

Госпожа-фуинь была разочарована до предела:

- Хватит. Только лишь в память о том, что ты кормила моего маленького сына, я не стану преследовать тебя дальше. Но возле ребёнка ты больше служить не будешь.

...

Чжан Цюши снова утащил к себе покупателя и, задрвав голову, выглядел так важно, словно мог подняться до самого неба. Он хвастливо выкрикивал:

- Я ведь теперь связан через родство с мужем кормилицы маленького господина из дома фуиня! Как только он доложит госпоже, все сладости для семьи фуиня будут поставляться из моего дома! Тогда, опираясь на семью фуиня, посмотрим, кто ещё посмеет меня притеснять...

Чжан Цюши ещё наслаждался собственной важностью, когда увидел вдали нескольких чиновников, которые вели кого-то, заломив руки. Когда они подошли ближе, один из стражников, заносчивее самого Чжан Цюши, громко выкрикнул:

- Кто здесь Чжан Цюши?

Даже будь он дураком, Чжан Цюши понял бы, что что-то пошло не так. Он уставился на того, кого вели под руки, и увидел, что это именно тот человек, которому он только что дал взятку, тот самый «муж кормилицы из дома фуиня».

- Да кто же из вас Чжан Цюши? — нетерпеливо повторил стражник.

В этот момент Куй У, неожиданно для окружающих отбросив свою обычную немногословность и проявив редкое чувство гражданской ответственности, с улыбкой показал пальцем на торговца:

- Вот он.

Под холодным, как нож, взглядом стражников Чжан Цюши наконец не выдержал и, дрожа, бухнулся на землю, словно ноги под ним отказали.

- Схватить!

Жена Чжан Цюши, увидев, как несколько суровых стражников схватили её мужа, с воплями бросилась вперёд. Она, как обычно, решила, что её излюбленная тактика «плакать, орать и кататься по земле» снова сработает. Она заламывала руки, визжала и кидалась на стражу, вопя:

- Да что вы делаете? За что хватаете моего мужа? Он что, преступник? На каком основании?

Стражник холодно покосился на неё.

- Это кто такая?

Куй У, по-прежнему со своей «помогающей» манерой, добродушно ответил:

- Жена Чжан Цюши.

Стражник взмахнул рукой:

- Отлично. Забрать и её.

Глядя на перепуганную пару сверху вниз, он зловеще произнёс:

- Подделывать товар, да ещё и настолько нагло. Вы не просто посмели издеваться над настоящими продавцами, так вы ещё осмелились обмануть саму супругу господина фуиня? Вы что, думаете, что законы Юнцзи – пустой звук?!

В этот момент из группы стражников медленно вышел человек. Никто не расслышал, что он сказал стражникам, но те сразу стали вести себя уважительно, даже, уходя, учтиво сложили руки в приветствии. Человек неторопливо подошёл к Цинь Хэ и Куй У и непринуждённо произнёс:

- Поздравляю, Куй-далан. Те, кто продавал подделки, наконец-то понесли заслуженное наказание.

Оказалось, это был управляющий закупками, он пришёл вместе с отрядом стражи.

Куй У сложил руки в ответ:

- Мы всегда верили в господина фуиня. Его честь ясна, и справедливость неизменна, он не позволит мелким проходимцам, плетушим ложь, оставаться безнаказанными.

Всего пара фраз, но среди людей, наблюдавших за происходящим и уже понявших суть дела, начался настоящий шёпот удивления и потрясения. Оказалось, Куй-далан знаком с людьми из управления фуиня!

Значит, он не боялся торговцев подделками, он просто ждал. И вот теперь, как только те сунулись слишком далеко, их сразу же отправили напрямик в тюрьму.

Люди вокруг только и могли гадать: кого же именно знает Куй-далан, раз смог так легко

отправить Чжан Цюши и его жену за решётку?

От догадок лишь становилось страшнее, каждая следующая была пуще предыдущей. Некоторые уже дошли до того, что шептались: неужели у него есть личное знакомство с самим фуинем? Иначе как объяснить, что за простую продажу схожего товара человека сразу хватают? Ведь прежде подобные случаи бывали, и ничем таким не заканчивались.

Некоторые люди, вспомнив, что у них есть знакомые или даже родственники, которые тоже закупили поддельные твёрдые конфеты у мелких торговцев, поспешили тайком предупредить своих родных:

- Эту торговлю лучше прекращать. А если уж и делать, то тихо, подальше от глаз Куй-далана. Не дай Небо он заметит и отправит в тюрьму.

А особенно пугливые, наслышавшись всяких слухов, и вовсе перестали заниматься этим делом от страха.

Но на самом деле истина была совсем не такой. Рецепт твёрдых конфет Чжан Цюши вовсе не украл - он сам случайно увидел, какие ингредиенты закупает семья Куй, и додумался до способа приготовления сам. Придуманное собой нельзя назвать ни подделкой, ни контрафактом, тем более что он нигде не ставил надписи «Сделано семьей Куй».

Причина, по которой стража схватила его, заключалась в другом: Чжан Цюши дал деньги Ли Синю, пытаясь через него протолкнуть свои товары в дом фуиня. То есть это была попытка взятки. Правда, сумма была небольшой, дело до конца не дошло, и вреда в итоге не было. В другом доме такое бы вообще спустили на тормозах...

Но не в доме жены фуиня. А она, к тому же, решила, что он поставил некачественный товар, вдруг вредный? Вдруг отравит её или маленького молодого господина?

Именно поэтому Чжан Цюши с женой наказали: дали пять ударов палками и оштрафовали на сто взней. Сами Чжан Цюши с супругой сперва думали, что всё случившееся - лишь куча случайностей. Но на следующий день, когда они вышли к своей точке и услышали разговоры вокруг...

Тут-то страх их и пробрал, они наконец всё поняли.

Да, в мире не бывает таких совпадений. А если и бывают, почему тогда тот самый человек из отряда стражников сказал Куй-далану такие слова? Это ведь явный намёк, предупреждение. Значит, у семьи Куй определённо есть связи с домом фуиня.

Чем больше Чжан Цюши и его жена об этом думали, тем страшнее им становилось. Под конец они уже ни секунды не могли оставаться рядом с Куй У и Цинь Хэ: торопливо свернули свой

лоток и улизнули, как две перепуганные крысы.

И действительно - это была расставленная Куй У и Цинь Хэ сеть, продуманная до мелочей. Они просчитали всё. Даже если бы Чжан Цюши не удешевлял приготовление твёрдых конфет, Куй У всё равно подготовил другие способы вытянуть его на чистую воду, в любом случае Чжан Цюши бы не ушёл.

Даже та самая надпись «Сделано семьей Куй», о которой говорила Хунсюй, появилась лишь недавно, ровно к тому времени, когда дом фуиня успел съесть старые партии. После этого и началось действие. Кроме самой Хунсюй и управляющего закупками, этого никто не знал.

— С таким народом только так и нужно, — Куй У усмехнулся, передавая Цинь Хэ только что купленный горячий суп из бараньих потрохов. — Замёрз? Выпей чашку, согрейся.

Цинь Хэ отпил пару глотков, и по телу тут же разлилось тепло.

— Далан, ты тоже выпей, согрейся.

Куй У махнул широкой ладонью:

— Мне не нужно, у меня тело крепкое. Пей, пока горячий.

Цинь Хэ не уступал: его пара глаз персикового цветения чуть приподнялась к вискам, словно в полушутливом упрёке, и он взглянул на Куй У, спросив:

— Ты будешь есть или нет?

Куй У вовсе не испугался, наоборот, от этого взгляда у него душу будто поцарапали сквозь одежду: внутри всё зачесалось, и осталось единственное желание - схватить своего шуанъэра в объятия и как следует приласкать.

Он пил суп, словно в тумане, и только когда почти вся чашка опустела, внезапно пришёл в себя. Куй У распахнул глаза, как тигр:

— Ты что, применил ко мне «медовую ловушку»*?!

(ПП: медовая ловушка или ловушка красоты - тактика, использующая физическую красоту для соблазнения и обмана, широко применяемая в стратегии и шпионаже)

Цинь Хэ улыбкой изогнул глаза, мягко и лукаво:

— А ты попался?

Куй У посмотрел на почти пустую чашку и с досадой прорычал:

— Как думаешь?

Разве не очевидно?

— Попался с потрохами, — Цинь Хэ улыбнулся, как хитрая маленькая лиса; его прекрасные глаза блеснули ярко и ослепительно.

Куй У снова потерялся, глядя на него.

Цинь Хэ отвернулся, пробормотав себе под нос:

— Древнему холостяку вздумалось противостоять медовой ловушке, тьфу...

Куй У наклонился сзади, подставив половину лица к его щеке, и протянул тихим, глубоким голосом:

— Я уже не холостяк. У меня есть шуаньэр. Вот он - смотри.

Цинь Хэ обернулся и прямо встретился взглядом с отражением себя в глазах Куй У. Лицо у него мгновенно вспыхнуло.

Чжэн Кайцзэ уже обошёл Северный угол улицы три круга, туда-сюда, аж до исступления. Он только недавно узнал от подвыпившего одноклассника: осенний экзамен, цюй, в этом году, вероятно, будет проверять человек, который когда-то сдавал вместе с их учителем. Это должно было быть строжайшей тайной, но, по словам подвыпившего болтуна, тот достал сведения через очень глубокие связи в столице. Причём не он один, многие одноклассники уже тихонько прознали. Поэтому в последние дни учителю несли подарки все кому не лень. Даже посторонние учащиеся пробовали через десятую руку подлезть к учителю с дарами.

Изначально Чжэн Кайцзэ был почти мертвецки пьян, но услышав это, протрезвел в одно мгновение. Он яростно потряс головой, вылетел из трактирчика, но, добежав почти до частной школы, осознал: при нём ни единой серебряной монеты.

А что он тогда понесёт учителю в подарок?

Чжэн Кайцзэ хотел занять денег, но, учитывая его происхождение и способности, даже если бы он обошёл всех знакомых и родственников, в лучшем случае смог бы наскрести двадцать лян серебра. Двадцать лян достаточно для подарка учителю, но совершенно недостаточно, чтобы добиться личного представления столичному экзаменационному чиновнику.

Так что Чжэн Кайцзэ пустился думать об иных способах. И чем больше думал, тем яснее понимал: сколько ни дари серебра, всё это пошло и грубо. Куда лучше угодить человеку вкусом. Но господин Чэнь был человеком строгим, прямым, неподкупным; любил каллиграфию, живопись и древние книги. Такие вещи Чжэн Кайцзэ не мог достать, а если бы и достал, то стоили бы они целое состояние, явно не по его карману.

Думая так и эдак, Чжэн Кайцзэ вспомнил о супруге господина Чэня, и сразу же о сахарных розах. Сахарная роза - тонкая, изящная, в зимнюю стужу распускается словно живая; ну скажите, кто устоит? Тем более, за ней стоит такая печальная и верная история любви.

Вот тогда-то Чжэн Кайцзэ и придумал обратиться к сахарным розам. Букет стоит всего один лян, он может себе позволить. Пусть это и недорогой дар, но если он сумеет попасть этим в сердце госпожи Чэнь, вызвать её расположение, тогда, когда учебные дела доберутся до столицы, стоит ей лишь несколько раз упомянуть о нём у изголовья мужа... И нет на свете ветра сильнее, чем у супружеской подушки.

Чжэн Кайцзэ нарисовал себе в голове прекрасную картину: он будто уже видел, как господин Чэнь рекомендует его столичному экзаменационному чиновнику, как тот, пообщавшись с ним, сразу же восхищается его учёностью, всячески помогает и продвигает, а он сам шаг за шагом поднимается всё выше. Словно герой из романа, который благодаря Мэйгуй взлетел по служебной лестнице.

Подогреваемый столь приятными мечтами, Чжэн Кайцзэ с волнением пришёл купить сахарные розы и вдруг обнаружил, что продают их знакомые ему люди. Это были те самые двое супругов, что когда-то просили его написать для них рассказ, а он отказал, и они в итоге обратились к Лю Шу. Он отлично их запомнил, потому что один из них был шуаньэр, и Чжэн Кайцзэ тогда почувствовал себя оскорблённым, а потому и отказал так решительно.

И вот теперь оказалось, что сахарные розы продают именно они.

По какой-то странной, неприятной чувствительности Чжэн Кайцзэ не хотел подходить к ним лично. Он всё время чувствовал: если они его узнают, он будто теряет в достоинстве, станет на ступень ниже. Поэтому он только и делал, что кружил по улице туда-сюда, не решаясь подойти.

Чжэн Кайцзэ весь был на нервах, как вдруг в него врезался какой-то мальчишка. Первым порывом Чжэн Кайцзэ хотел было вспылить, но внезапно его глаза загорелись, мысль мелькнула молнией. Он схватил мальчишку за плечо:

— Поможешь старшему брату, получишь эту монетку.

За одну медную монету можно было купить кучу сладостей. Мальчишка, уже истекающий слюной, радостно закивал. Чжэн Кайцзэ вложил ему в ладонь один лян серебра, а сам спрятался за углом, выглядывая оттуда из-за стены.

Мальчишка подбежал к лотку и, вытянув над головой руку с серебряным лян, звонко сказал:

— Большой брат, я хочу один букет сахарных роз!

Цинь Хэ посмотрел на мальчонку - лет семи-восьми, худенький, одетый в грубую, поношенную мешковину. Самый обычный ребёнок из бедной семьи. И, увидев в его крошечной ладошке целый лян серебра, Цинь Хэ сразу решил, что ребёнок наверняка украл деньги из дому, чтобы купить сладости.

Он слишком хорошо понимал, что для бедной семьи один лян серебра - это огромная ценность. Но он не стал сразу ругать мальчишку, а мягко сказал:

— Если хочешь купить сахарные розы, позови своего старшего из семьи. Я детям сахарные розы не продаю.

Мальчишка вытянул ручку и ткнул пальцем в сторону:

— Это тот брат-сюцай велел мне купить.

При прошлых династиях первым уровнем экзаменов на госслужбу тоже был сюцай. Позже сюцай стал одной из обычных ступеней экзаменационной системы, а ещё позже, когда ступень сюцай отменили, само слово превратилось в общее обращение к учёным людям. При династии Юнцзи, к примеру, любого прошедшего провинциальный экзамен независимо от результата уже можно было называть сюцай. То есть в Юнцзи «сюцай» - просто вежливое имя для читающего человека, не обязательно звание.

Цинь Хэ посмотрел в ту сторону, куда указывал мальчишка, и успел заметить лишь мелькнувший край одежды. Но этого было достаточно, значит, деньги ребёнок не украл, а действительно получил от того «сюцая».

Цинь Хэ протянул мальчишке сахарные розы и принял из его руки серебро. Мальчишка, прижав букет к груди, вприпрыжку убежал. Цинь Хэ видел, как тощий молодой человек наклонился, принял у него розы и что-то ещё сунул малышу, и тот снова припустил бегом обратно.

- Брат, я хочу молочные таблетки, — мальчишка поднял медный вэнь и с жадностью уставился на молочные таблетки.

Цинь Хэ улыбнулся и не стал объяснять, что одного вэня на самом деле не хватает, а просто

насыпал ему маленькую горстку, да ещё сверху добавил немного молочных бобов.

— Держи.

Мальчишка просиял:

— Спасибо, брат! — и радостно убежал вприпрыжку.

Торговец с соседней лавки, видя это, хмыкнул:

— А ты не боишься, что пацан придёт домой, расскажет, а если у них старшие любят пользоваться случаем, то будут и дальше посылать ребёнка к тебе с одной монетой на халяву закупаться?

Цинь Хэ спокойно ответил, улыбнувшись:

— Я только что глянул на него - видно, что он получил эту монету за поручение. Одет плохо, значит, семья небогатая. Такие люди каждую монету на две ломают, вряд ли станут просто так давать ребёнку деньги. А если даже и дадут, ну придёт он в следующий раз, а я ему просто не продам, и всё.

- У тебя сердце, конечно, доброе... только вот твой муж может быть и не одобрит, — сказала соседка по лавке и выразительно покосилась на Куй У.

В глазах соседей всё выглядело очень просто: Цинь Хэ - красивый, утончённый, мягкий, всегда улыбается, прежде чем заговорить - будто нарисованная кистью картина, самый что ни на есть кроткий человек. А Куй У - сплошная угроза: от него исходит холод, как от ножа, сила как у медведя, взгляд такой острый, будто кожу с костей сдирает. На одного посмотреть приятно, на второго - страшно.

Так что все были уверены: все ядовитые меры против Чжан Цюши наверняка придумал Куй У, а Цинь Хэ - чистейший маленький белый лотос, ни на что не влияющий. Раз уж он раздаёт товар, который можно продать, так не получит ли он дома ремня?

Цинь Хэ понял намёк в её взгляде. Обернулся к Куй У и улыбнулся так, что трудно было понять - смеётся он или предупреждает.

Куй У кончиком языка упёрся в верхний зуб и холодно фыркнул:

— Дома поставлю тебя на колени и надеру задницу.

Соседка по лавке сразу посмотрела на Цинь Хэ с искренним состраданием, полным тревоги. Эх... как и говорят: доброму мужику достаётся сварливая жена, а хорошей жене - лентяй и грубиян. Жаль, конечно... такой прекрасный цветок, и вставлен в навоз.

Когда Чжэн Кайцзэ, прижимая к груди сахарные розы, радостно примчался к дому господина Чэня, он застал там Лю Шу.

— Это молочные таблетки и молочные бобы, — говорил Лю Шу госпоже Чэнь. — Очень подходят детям, говорят, очень питательно. Я слышал, что последние дни Санлан плохо ест, вот и принёс угощение, что хозяин подарил мне. Госпожа, попробуйте дать Санлану. Если ему понравится, просто скажите, я куплю ещё.

Госпожа Чэнь была мягкой, доброй женщиной. Услышав это, она дала Санлану одну молочную таблетку, но сказала:

— Я знаю, ты сейчас помогаешь одной торговой семье писать документы. Видно, что делаешь ты это хорошо, раз тебе дают угощение. Я рада, что ты думаешь о Санлане. Но как я могу позволить тебе ещё покупать? У тебя же дома больная мать. Впредь, даже если у тебя появится что-то хорошее, не приноси нам, отнеси своей матушке попробовать. Сыновняя почтительность превыше всего.

Лю Шу склонил голову и тихо ответил:

— Да, понял.

В этот момент маленький Санлан дрожащей ручкой поднял одну молочную таблетку и сунул её в рот госпоже Чэнь:

— Мама, кушай. Вкусно.

У госпожи Чэнь сразу лицо просияло:

— Хорошо, раз Санлану нравится.

Одновременно с этими словами молочная таблетка у неё во рту быстро растворилась, и вкус оказался неожиданно прекрасным. Госпожа Чэнь не удержалась и съела ещё одну.